

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. Б. Бернштейн

ОЧЕРК
СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

венные диалектные различия в праславянском языке, происходили значительные территориальные перемещения. Второй период — период распада праславянского языка, период формирования языков славянских народностей.

Изучая историю праславянского языка ранней эпохи, мы не будем говорить о диалектном членении, об изоглоссах, так как тогда их еще не существовало. Все наше внимание будет обращено на изучение истории звукового строя. При рассмотрении истории праславянского языка поздней эпохи задачи наши усложнятся. Здесь мы должны сказать не только об основных чертах фонетической эволюции, но одновременно с большим вниманием должны отнестись к истории диалектного членения праславянского языка.

Нужно, конечно, ясно себе отдавать отчет в том, что предлагаемая нами периодизация не является универсальной. Многие важнейшие явления праславянского языка не укладываются в рамки данной периодизации. Развитие важнейших грамматических категорий совсем не было связано со структурой слога. Для историка славянской глагольной системы наша периодизация ничего не дает. Однако для истории праславянской фонетической системы она является наиболее удобной, так как позволяет четко выделить поздний период истории праславянского языка и ранние эпохи истории отдельных славянских языков. Как всякая периодизация, она является, конечно, условной.

§ 11. Древнейшая территория праславянского языка. Языковеды занимались не только вопросами праславянского языка. История науки сложилась так, что в прошлом именно языковеды, а не историки выступали в роли исследователей древнейших судеб славян (передвижение славянских племен, взаимоотношения их с неславянскими народами, формирование крупных племенных союзов и др.). Это, вероятно, явилось причиной того, что невольно смешивались две проблемы, относящиеся к различным явлениям: история праславянского языка и история носителей этого языка. Это смешение мы находим в очень многих исследованиях. А между тем, если термин „праславянский язык“ является совершенно точным и вполне научным, без которого не может обойтись историк древнейших судеб славянских языков, то термины праславяне, праславянский народ, праславянские племена отличаются крайней неопределенностью. Не случайно, современные историки славянства предпочитают не пользоваться этими терминами, а говорят просто о славянских племенах определенного периода. Термины „праславяне“, „прагерманцы“, „праиндоевропейцы“ родились в лоне лингвистической науки и часто являлись простыми синонимами понятий „праславянский язык“, „прагерманский язык“, „индоевропейский праязык“. Трубецкой писал, что понятие „индоевропейцы“ является чисто лингвистическим, — в такой же мере, как понятие „синтаксис“, „родительный падеж“ или „ударение“.

Если историк остается на почве фактов, то для него древнейшая история славян охватывает самый конец дохристианской эры и первое тысячелетие н. э. Все гипотезы о более древних временах являются лишь догадками и предположениями. Для языковедов происхождение праславянского языка — это выделение его из индоевропейского и формирование его важнейших особенностей. Хронологически это совершенно иная эпоха. Исследуя историю формирования праславянского языка и славянских грамматических категорий, мы имеем дело с таким периодом, о котором историки ничего конкретного не могут сказать. Но глубоко заблуждаются языковеды, полагающие, что только на основании данных своей науки они могут решать вопросы собственно исторические. Наглядным примером могут служить работы Шахматова, посвященные древнейшей истории славян.

Шахматов сделал много усилий, чтобы исследовать древнейшие судьбы славян. Он создал несколько гипотез о прародинах славян, которые, однако, не опирались на факты, а носили характер отвлеченных рассуждений. Труды Шахматова на эту тему наглядно демонстрируют все слабые стороны этногенетических построений языковедов.

Шахматов решительно выступил против карпатской теории, в свое время [очень популярной]. Он утверждал, что первоначальной родиной славян была территория, расположенная в районе устья Западной Двины, где славяне были знакомы с тисом, грабом и омелью-плющом, что подтверждается ботаническими и лингвистическими данными. К югу от них жили племена, говорившие на прабалтийском языке. К юго-востоку находились финские племена. Отсюда праславяне пошли на юг и заселили среднее и южное Повисленье, прежде занятое бастарнами. Освободившуюся территорию Западной Двины заняли финские племена.

На территории своей второй прародины праславяне познакомились с букром. Здесь они заимствовали его германское наименование. Здесь же, в Повисленье, начался распад славян на отдельные самостоятельные группы. По мнению Шахматова, здесь образовалось две группы: западная, которая лежит в основании современных западных славянских народов, и южная, из которой впоследствии возникли южные и восточные славянские народы. Это подтверждается судьбой групп [tl], [dl], изменениями групп [kv], [gv] и судьбой эпентетического [l] в различных позициях слова.

Западная группа славян продвинулась далеко на запад, вступив в непосредственные отношения с германскими племенами. Южная группа вынуждена была задержаться в Повисленье, так как в среднем течении Дуная господствовали гунны. Только с середины V в. н. э. южная группа получила возможность продвижения на юг. В результате этого движения единая группа распалась на две: словен и антов. Первые двинулись на Балканский полуостров и положили начало южным славянским народам. Анты — предки восточных славян — двинулись на юго-восток, где заняли территорию Поднестровья и частично Подне-

провья, которая и является восточнославянской прародиной. После ухода южной группы из Повисленья и усилившегося напора германцев с запада западнославянские племена вынуждены были продвигаться далеко на восток. В связи с этим ляхские племена заселили верхние течения Оки и Волги. Восточнославянские племена в дальнейшем образовали три группы племен: южнорусскую, восточнорусскую, севернорусскую. Из смешения севернорусской и восточной части восточнорусской группы возникла великорусская народность, из смешения южнорусской группы и западной части восточнорусской группы и частично ляхских племен сформировались белорусы. Прямыми потомками южнорусской группы являются украинцы.

Следует обратить внимание на то, что Шахматов в своих построениях игнорировал собственно исторический (археологический) материал. А материал этот, как свидетельствуют археологи, во многом противоречит схеме Шахматова. Эта схема не имеет почвы и в нашей науке. Совсем мало использовал Шахматов топонимический материал. При более внимательном отношении к этому ценнейшему источнику Шахматов не смог бы утверждать, что первой прародиной славян была область Западной Двины. Иногда Шахматов привлекал топонимию, но не всегда при этом проявлял достаточную критичность. Так, он говорил о движении славян вверх по Днепру только на том основании, что левый приток Днепра носит название *Десна*, т. е. „правая“. В действительности же этимология *Десны* не славянская (не славянскими, кстати, являются этимологии названия рек *Дна*, *Сосна* и др.). Следует думать, что восточные славяне вообще не имели прилагательного *деснь* и образований от него. Соответствующие слова в древнерусском литературном языке были взяты из старославянского языка. Нужно сказать, что сам Шахматов чувствовал шаткость и бездоказательность многих своих этногенетических построений. Вот почему так часто и легко он отказывался от своих гипотез. В последнем труде „Древнейшие судьбы русского племени“ (1919) Шахматов писал, что вопрос о первой прародине славян для него остается нерешенным.

Как мы видели, Шахматов большое внимание в решении этногенетических вопросов уделял ботанической терминологии. В системе его доказательств анализ ботанической терминологии занимает важное место. Исключая бассейн Припяти из праславянской территории, Шахматов говорит: „... тиса неизвестен в бассейне Припяти, нет там и плюща; между тем, общеславянский праязык знал слова для тиса и плюща“ („Введение...“, 36). Здесь следует обратить внимание на существенные методологические промахи Шахматова. Они встречаются часто и в исследованиях современных авторов.

При решении этногенетических вопросов исследователи уделяют большое внимание тем элементам словаря, которые связаны с географическими условиями, со средой, с животным и растительным миром. Эта лексика может дать ценные факты для локализации наиболее древ-

них поселений определенной этнической группы. Для решения вопроса о древнейшей славянской территории большое значение имели труды польского ботаника Ростафинского, посвященные славянским названиям деревьев („О pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przed-historycznych czasach“, 1908 и др.). Как я уже сказал, ботанической терминологией для решения вопросов о прародине славян широко пользовался Шахматов. И значительная часть новой монографии Мошинского „Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego“ (1957) также посвящена анализу славянских названий деревьев. Отрицать значение зоологической и, особенно, ботанической терминологии для решения проблем этногенеза нельзя. Однако на этом пути исследователя ждут многие опасности. Нет прямой и постоянной связи между словом и предметом.

Ход мысли исследователя обычно таков. Данную породу дерева все славяне называют одинаково. Этимология слова славянская. Следовательно, на территории праславянского языка росло это дерево. Во всех славянских языках находим слово *береза* (русск. *берёза*, укр. *беріза*, брл. *бярóза*, болг. *бреза*, схр. *брѣза*, слов. *bréza*, чешск. *bříza*, слвц. *breza*, польск. *brzoza*, в.-луж. *brěza*, н.-луж. *brjaza*). Для позднего праславянского периода можно реконструировать форму *bérza*, для более раннего — *berazā*. Это праславянское слово индоевропейского происхождения — *bherag'ā* 'светлое дерево' (ср. ав. *brāz-* 'сиять'). Следовательно, на древнейшей славянской территории росли березы. Иное положение со словом *бук*. И это слово встречается во всех славянских языках (русск. *бук*, болг. *бук*, схр. *бѹк*, западнославянское *buk*). Однако слово *бук* не является исконнославянским. Отсюда делается заключение, что на древнейшей славянской территории бук не рос. Современная крайняя восточная граница распространения бука идет от Калининграда через Кременец до Одессы. Следовательно, славянская прародина находилась к востоку от этой линии. Такова система доказательств Ростафинского, Шахматова и многих современных исследователей. Она требует серьезной критики. Основания для этого следующие.

а) Ботанические и зоологические зоны меняются сравнительно быстро. Необходимо постоянно учитывать данные палеоботаники и палеозоологии. В этом отношении очень показателен случай с буком. На основании анализа пыльцы растений в торфяных болотах было высказано предположение, что 2500 лет тому назад восточная граница распространения бука шла значительно западнее (в районе Эльбы). В период неолита граница бука шла еще западнее. В этот период бук не был известен на территории Шлезвиг-Гольштейна и соседних областей. Таким образом, на основании современной зоны распространения бука в Восточной Европе нельзя устанавливать территорию праславянского языка. Это относится к тису и омеле-плющу. Еще быстрее изменяются зоологические зоны.

б) Древнейшая славянская территория не является исконной территорией, т. е. территорией, на которой произошло выделение праславянского диалекта из индоевропейского праязыка. Локализуемая нами праславянская территория (см. ниже) находилась за пределами распространения индоевропейского праязыка. Таким образом, многие зоологические и ботанические термины существовали у предков славян еще тогда, когда они жили в иных географических условиях. В дальнейшем шел длительный процесс приспособления старой терминологии к новым условиям. В связи с этим постоянно менялись значения старых терминов. И это можно хорошо показать на примере бука.

Славянское *buzъ* (ср. *бузина*) генетически родственно двн. *buohha*. Нет сомнения, что славянское слово *бук* заимствовано из германского. Но это же индоевропейское слово было известно и славянам (*buz-*). „Правда, последние имена обозначают не бук, а другое растение („*sambucus*“), но, как известно, ничто так часто не меняет своего значения, как ботанические термины... А если так, то весьма правдоподобно предположение, что славяне на своей прародине знали и самое дерево бук и его исконное назв. *buzъ*, но с течением времени перенесли его на бузину. И можно даже догадаться, почему это произошло. Согласно остроумной гипотезе Брюкнера (KZ, XLVI, стр. 193) славяне на своей прародине знали ... белый бук (*Sarginus*), который они называли *grab(r)ъ*, т. е. грабом; по мере своего распространения в области красного бука, они перенесли название первого на второй... Впоследствии, по образцу *grabъ* было составлено к *buku* новое имя *bukъ*. Это обстоятельство — ... и послужило причиной того, что исконное слав. название красного бука *buzъ* в одних говорах прасл. языка исчезло совсем, а в других было перенесено на „бузину“, имя которой, поэтому, вряд ли случайно оказывается в исконном родстве с лат. назв. красного бука *fagus*“ (Ильинский, ИОРЯС, XXV, 429—430).

в) Исследователям все время необходимо учитывать случаи табу. Древние народы, в том числе и славяне, поклонялись различным животным и растениям. Эти животные и растения были священными, называть их прямо было нельзя. На них переносили названия других животных и растений или чаще называли описательно. Примеров можно привести очень много. Священным животным у славян был медведь. Вот почему в славянских языках бесследно исчезло старое индоевропейское название данного животного и сохранилось новое 'кто ест мед', 'любитель меда', 'медоед'. Отсутствует старое индоевропейское название медведя и в балтийских и германских языках. Балтийцы его называют 'косматым', а германцы 'бурым'. В противоположность славянам, балтийцам и германцам кельты и иранцы сохранили старое индоевропейское слово (ср. ирл. *art*, ав. *arəša-*, осет. *ars*). Было бы грубой ошибкой, если бы мы на этом основании стали утверждать, что предки славян, балтийцев и германцев жили на территории, где медведь не был известен.

У многих индоевропейских народов предметом поклонения был дуб. Это сказалось на названии дуба. Старое индоевропейское слово, восходящее к морфеме *per(k)-*, сохранилось в латинском *quercus* и ряде других индоевропейских языков. У греков существовал культ дуба. Вот почему старое название дуба в греческом языке утрачено. На дуб перешло название бука (ср. греч. дор. φῦλον). Не сохранил старого индоевропейского названия дуба и праславянский язык. Это дерево стало называться *дрѣвь*. Этимология слова до сих пор окончательно еще не установлена (см. Sławski. SEJP, 139; VEM, I, 376). Наиболее удачная, как нам кажется, принадлежит Фальку, который полагает, что *дрѣвь* (<*dumbos*) означал первоначально 'дуплистое дерево' („Scando-Slavica“, IV, 266). Однако следы старого корня *per-* сохранились в имени славянского бога *Перуна* (см. Иванов. ВСЯ, 1958, № 3, 101—111).

г) Славяне уже в очень древние времена находились в общении с различными народами. Никогда не следует забывать, что совсем близко проходил путь к Балтийскому морю за янтарем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они рано узнали о многих животных и растениях, которых они не могли видеть. Слова *слонъ*, *львъ*, *ослѣ*, *велбродъ* и многие другие были известны праславянскому языку. Однако трудно предполагать, что славяне в то время имели ясное представление о соответствующих животных. Значит, могли существовать в языке названия тех животных и растений, с которыми само население не сталкивалось. Особенное распространение это получило позже, когда появилась письменность и когда получили широкое распространение книжные слова. Вот почему показательность многих общих слов в славянских языках разная и в настоящее время. Так, слово *бук* в русском языке только книжное. На территории распространения русского языка *бук* не растет. Не знаком русский человек с тисом и грабом, все соответствующие слова в русском также книжного происхождения.

д) Иногда одно и то же животное или растение называется в славянских языках по-разному. Часто это трудно объяснить и еще труднее установить, какое из этих названий является первичным, исконным. Дерево *pinus silvestris* в русском и польском называется *сосна*, *sosna*, в болгарском *бор*. Южнославянским языкам слово *сосна* не известно. Чешский и словацкий языки знают оба названия для *pinus silvestris*. В современном русском слово *бор* имеет другое значение: 'хвойный лес'. Это же значение слово *bór* имеет в польском 'las sosnowy, las drzew żywicznych i iglastych; las gęsty, ciemny'. Возможно, что слово *боръ* в праславянском имело два значения: 'сосна' и 'сосновый лес'. Но в таком случае возникают вопросы: что означало слово *сосна* и почему это слово утратилось в южнославянских языках? Прежде всего следует обратиться к этимологии данного слова. Мошинский обратил внимание на то, что в Полесье дерево *pinus silvestris* называют сосной только в том случае, если в нем имеется улей. В Беловежской пушке стволы

сосен, пригодных для бортничества, называют *sosnowatymi*. Слово *sosna* (точнее *sosnъ*) Мошинский возводит к забытому глаголу *sojiti* 'колоть' и под. Однако эта этимология вызывает возражение. В положении перед согласным на месте дифтонгического сочетания [oj] возник бы [ě], т. е. вместо *sosna* было бы слово **sěsna*. Трубачев сопоставляет *sosna, sosnъ* с *sopěti*, с русским *сопла* и предлагает реконструкцию *sopsna, sopsnъ* 'дуплистое дерево'. Прототип *sopsna* предполагается и другими этимологами, но на основе других сопоставлений и с другим значением. Таким образом, общим названием данного дерева в праславянском следует считать *borъ*. *Sosnъ* (< *sopsnъ*) или *sosna* (< *sopsna*) являлось специальным названием: так называли те деревья, которые служили для бортничества. Бортничество особенное развитие получило у северных славян. Здесь основным напитком был мед. Южные славяне очень рано познакомились с виноградной лозой и с виноделием. Виноградное вино получило у них большее распространение, чем мед. Правда, продолжалось и бортничество. Но техника его сильно изменилась. Появились плетеные ульи-корзины: *кош* — *кошница* — *кошер*. Вместе с этим было забыто и слово *sosna*.

Шахматов не видел всех тех трудностей, которые должен преодолеть исследователь, поставивший перед собой задачу решения этногенетических проблем на основе ботанической или зоологической терминологии. Упрощенно эти вопросы решаются и некоторыми современными языковедами.

Необыкновенно произвольны толкования Шахматовым дошедших до нас исторических свидетельств. Передвижения славянских племен Шахматов рисует вне конкретной исторической обстановки. Он не ставит перед собою вопроса об общественной организации славян. Прямолинейно и схематично решаются им вопросы генетических связей отдельных групп славянства. Современные отношения механически переносятся в глубокую древность. Решая чисто исторические проблемы, Шахматов полностью игнорировал богатейший археологический материал.

Решительно отвергается в современной науке учение Шахматова о ляхских чертах в белорусской фонетике. А вместе с тем рушится и его учение о роли западных славянских этнических элементов в формировании белорусского народа.

Гораздо основательнее подошел к решению этногенеза славян Лер-Сплавинский. Не будучи историком, он, однако, всесторонне учел новейшие данные археологической науки. Его труд „О pochodzeniu i praojczyźnie Słowian“ (1946) — крупнейший вклад в изучение древнейшей истории славян. Следует, однако, указать, что и этот труд встретил много возражений у историков, которые выступили против многих привычных для языковеда понятий и категорий.

Лер-Сплавинский полагает, что этнические образования современной восточной и средней Европы моложе неолита. В конце неолита эти

области были заселены племенами так называемой гребенчатой керамики, которые говорили, как думает большинство ученых, на угрофинском языке. Эти племена двигались с востока и достигли на западе Одера. На рубеже III и II тысячелетия это был господствующий здесь этнический элемент. Позже началась экспансия с запада. Археологическим признаком этой новой западной культуры является шнуровая керамика. Это были индоевропейцы, говорившие на различных индоевропейских диалектах. Одним из таких диалектов был, как думает Лер-Сплавинский, протобалтийский. Он занимал территорию между Одером и бассейном Оки, где новые пришельцы подчинили себе финские племена. Финский язык здесь был ассимилирован. Однако следы финского субстрата сохранились в протобалтийском языке.

В первые века бронзы (середина II тысячелетия до н. э.) началась новая экспансия индоевропейских племен с запада, которая охватила территорию Саксонии, Силезии, Лужиц, юго-западной Великопольши, позже — бассейн реки Вислы, Западного Буга, Судеты, северную Чехию, Моравию и Словакию. Культура новых пришельцев известна в археологии под наименованием лужицкой. Лер-Сплавинский называет ее венетской. Следствием экспансии носителей этой культуры на востоке был распад единой этнической и языковой протобалтийской общности на две: праславянскую и прабалтийскую. Польский языковед решительно возражает археологам, которые лужицкую культуру считают праславянской, хотя и соглашается с тем, что носители этой культуры сыграли важную роль в формировании праславян. Западные лужицкие племена были предками кельтов и иллирийцев.

Как видим, Лер-Сплавинский касается таких периодов в истории этнических групп, о которых Шахматов не мог говорить, так как он не опирался на данные археологии. Следует, однако, заметить, что яркая картина, нарисованная Лер-Сплавинским, очень гипотетична и во многих своих частях спорна. Уж слишком много здесь нужно принять на веру. Построения Лер-Сплавинского не нашли полной поддержки у археологов. Наиболее авторитетные специалисты в области славянской и балтийской археологии считают, что единой балто-славянской археологической культуры не существовало.

Давно уже вопросами балто-славянских отношений специально занимается крупный польский археолог Костшевский. На эту тему он опубликовал ряд исследований. Последнее — „Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej“ („Slavia Antiqua“, V. 1956). В этом большом исследовании Костшевский подводит итоги своим многолетним наблюдениям.

В результате изучения богатого археологического материала Костшевский приходит к заключению, что археолог может говорить только о длительном контакте, соседстве праславянских и прабалтийских племен. „Какую культуру мы можем связать с балто-славянским пра-

языком?” — спрашивает Костшевский и отвечает: „Такой культуры мы, однако, не знаем“. В отличие от Лер-Сплавинского Костшевский считает, что лужицкая культура была именно праславянской. Культура древних прабалтов существенно отличается от лужицкой культуры. Нельзя связывать со славянами и балтами долужицкую культуру, так как она не представляет никаких различий на огромной территории. Кроме того, следы этой культуры отсутствуют как раз на той территории (Восточная Пруссия), где, как думает Костшевский, сформировалась древняя прабалтийская культура.

Основные положения Костшевского согласуются с данными языка. Как мы видели выше, и у языковеда нет данных, дающих основание уверенно утверждать, что существовал единый балто-славянский праязык. Близость славян и балтов возникла в результате тесного и длительного соседства балтийских и славянских племен, которое, однако, не привело ни к созданию единой культуры, ни к формированию общего языка.

Древнейшей и устойчивой границей между славянскими и балтийскими племенами являлась Припять. К югу от Припяти жили славяне, к северу — балтийские племена (в ближайшем соседстве к славянам — пруссы и ятвяги). Конечно, возможно, что незначительные группы славян жили и к северу от Припяти, так же как балтийцы могли проникать и в более южные районы. Обилие рек (Стоход, Стырь, Горынь, Уборт, Уж, Ясельда, Лань, Случь, Птичь) способствовало тесному общению этих племен. Менее определенной была граница к западу от истоков Припяти. Она шла севернее среднего течения Западного Буга до Вислы. Непосредственного общения между славянскими племенами, с одной стороны, и литовско-латышскими, с другой, в период балто-славянской общности не было, так как предки литовцев и латышей в это время жили к северу-востоку от пруссов и ятвягов.

Очень трудно определить хронологические границы балто-славянской общности. Началась она значительно позже распада индоевропейского праязыка. Конец ее все исследователи объясняют экспансией чужих племен, но, говоря о различных племенах, они связывают этот процесс с различными периодами. Всеми отвергнута хронология Вайана, который утверждал, что балта-славянская эпоха продолжалась до первых веков христианской эры. Конец этой эпохи Вайан связывал с экспансией германских племен. Польский лингвист Сафаревич считает, что распад балто-славянского единства произошел гораздо раньше и вызван был вторжением на северо-запад иранских племен, что, однако, не привело к географическому разобщению славян и балтов. Лер-Сплавинский этот процесс объясняет нашествием с запада племен лужицкой культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.). В противоположность Лер-Сплавинскому я думаю, что в это время (вторая половина II тысячелетия до н. э.) только начался контакт между праславянскими и прабалтийскими племенами, который, надо думать, продолжался

длительный период (может быть, до середины I тысячелетия до н. э.). Следует обратить внимание на то, что древнейшие иранские заимствования в праславянском (*bogъ, toporъ* и др.) отсутствуют в балтийских языках. Отсюда можно сделать заключение, что к середине I тысячелетия до н. э. балто-славянская общность уже распалась (см. Милевский. RS, XVIII, cz. I, 44).

Пока решение всех этих вопросов носит очень гипотетический характер. Не было недостатка в различных предположениях, но очень мало было сделано положительного. А между тем материалы для решения многих вопросов, связанных с историей взаимоотношений славянских и балтийских племен, имеются. Это прежде всего те элементы славянского и балтийского словаря, которые возникли, сформировались в период общей жизни славян и балтов. Здесь важно отделить общий индоевропейский лексический фонд от общих лексических новообразований периода балто-славянской общности. Этого не сделал в свое время Траутман, и это является существенным недостатком его „*Baltisch-slawisches Wörterbuch*“ (1923). Общие новообразования должны быть подвергнуты строгому этимологическому анализу в связи с данными археологической науки. Это единственное средство установить, хотя бы приблизительно, период балто-славянской общности.

В период балто-славянской общности возникли и развились некоторые важные общие особенности звукового и грамматического строя. Как указывалось выше, это прежде всего возникновение балто-славянской интонации. Следует еще указать на судьбу индоевропейских слоговых сонантов. Под воздействием неиндоевропейского субстрата еще в период общности при отрицании стал употребляться родительный падеж. Этот же субстрат оказал сильное влияние на словообразование. Однако общие черты возникли не только в период общности. Общность определила возникновение ряда общих черт в славянских и балтийских языках в поздний период, когда, например, распадался праславянский язык, а прабалтийского языка уже давно не было. Конечно, общность не может определить в такой степени параллелизм будущих процессов, как это способен сделать праязык.

Опыт Лер-Сплавинского показал, что решение проблемы происхождения и прародины славян нельзя смешивать с проблемой происхождения славянских языков. Для нас, языковедов, имеет, однако, большое значение данное исследование и ряд других специальных работ польского лингвиста, в которых он высказывает много важных соображений о взаимоотношениях групп славян по данным языка. Его лингвистическая аргументация гораздо глубже и интереснее, нежели аргументация Шахматова.

В отличие от большинства языковедов Лер-Сплавинский уделяет много внимания конвергентным процессам в праславянскую эпоху. Он справедливо указывает на то, что отдельные праславянские диалекты не только распались, но и объединялись. В различные эпохи

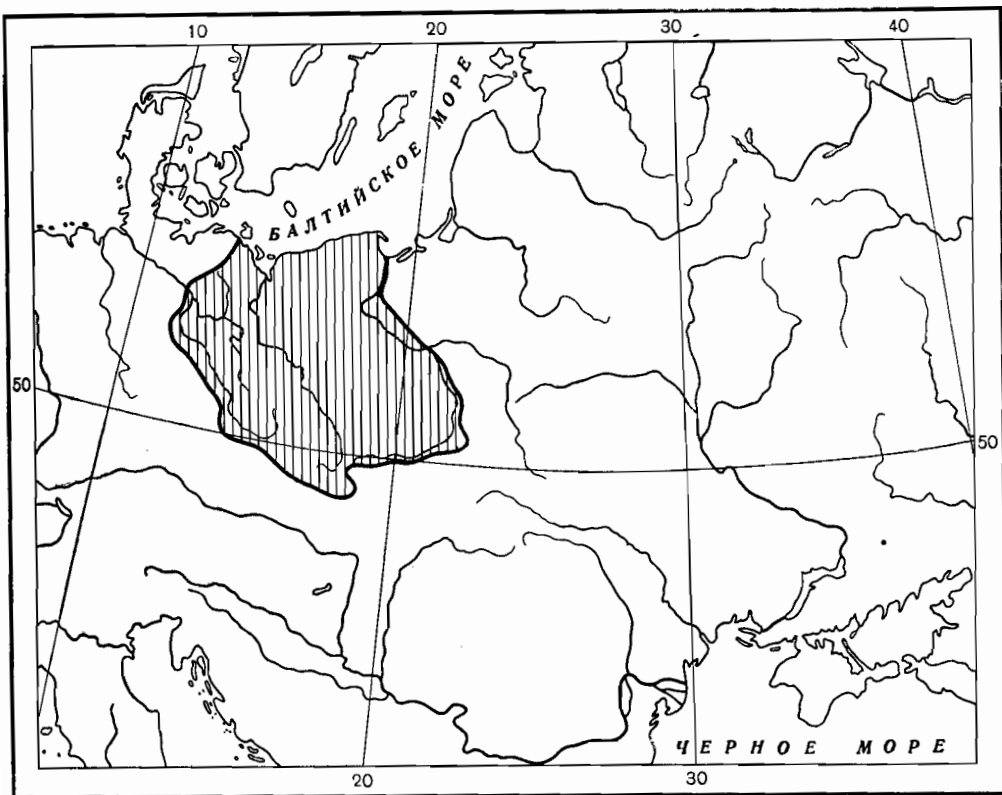
создавались новые группы, которые существенно видоизменяли отношения между диалектами.

Споры о древнейшей территории праславянского языка продолжают и в настоящее время. Выдвигаются новые гипотезы, привлекается новый материал. Следует, однако, сказать, что многое уже установлено окончательно. Легко заметить, что точек соприкосновения у исследователей теперь гораздо больше, нежели пятьдесят лет тому назад. Окончательно оставлена карпатская теория. Теперь для всех ясно, что на Карпатах славяне появились не раньше первых веков н. э. Полностью отвергнута теория Шахматова о так называемой первой прародине славян. Можно считать окончательно установленным, что к северу от Припяти славянская речь не звучала до середины I тысячелетия н. э. Припять была одной из устойчивых границ праславянского языка. Споры в настоящее время в основном идут о западной и восточной границах праславянского языка.

Большинство польских ученых считает, что древнейшая праславянская территория на западе доходила до Одера, а на северо-западе до побережья Балтийского моря. Некоторые исследователи (например, Лябуда и др.) доводят западную границу до Эльбы. Соответственно эти ученые передвигают далеко на запад восточную границу (до Западного Буга). Так себе представляет территорию праславянского языка в конце II тысячелетия до н. э. Яжджевский. Однако никаких убедительных доказательств у этих ученых нет. Мы знаем, что до IV—III вв. до н. э. вся территория к западу от Вислы была заселена племенами лужицкой культуры. Носителями этой культуры были, главным образом, венетские племена, которые заселяли всю Польшу до Вислы. „Это приводит нас к заключению, — писал Лер-Сплавинский, — что название „венеты“ было, вероятно, этническим наименованием того народа, который создал и распространил в Центральной Европе лужицкую культуру. В связи с этим последнюю следовало бы назвать венетской культурой. . .“ („Польский язык“, 23). Восточнее Вислы носители лужицкой культуры были известны лишь на самом севере, где они соприкасались с балтийскими племенами. В течение длительного времени среднее течение Вислы являлось рубежом двух различных этнических образований.

У нас нет никаких данных, что славяне в I тысячелетии до н. э. жили на берегу Балтийского моря. Нет сомнения в том, что если бы Великий путь за янтарем пролегал по славянской территории, влияние античных языков и античной культуры на славян было бы гораздо глубже и древнее. Основным доказательством древности поселений славян на Балтийском побережье у историков является наличие слова *mor'e* в славянских языках, сомневаться в древности которого нет оснований. На этом аргументе следует специально остановиться.

Данное слово известно языкам славянским, балтийским, германским, кельтским и итальянским (ср. лат. *māre*, др.-ирл. *muir*, гот. *marei*,

Карта 2. Территория праславянского языка конца II тысячелетия до н. э.
(по Ягджевскому)

лит. *mārės*, прус. *mary*). Возможно, что это слово существовало и в других индоевропейских языках, но позже было забыто. Так, именно к этому слову Тиме возводит др.-инд. *marut* 'ветры, боги ветра'. Рудницкий полагает, что утрата своего слова в греческом и замена его неиндоевропейским *θάλασσα* можно легко объяснить историческими условиями.

Однако есть существенное различие в значении этих слов... В балтийских языках соответствующий корень (*marės*) означает озеро и только в частности — Рижский залив, для обозначения же моря имеется другое слово (*jūrės, jūrios*). Это, мне кажется, — пишет Шахматов, — указывает на то, что было время, когда славяне оставались у моря, между тем как литовцы были оттиснуты от него на восток" („Введение...“, 29). В настоящее время эти соображения Шахматова не могут быть приняты во внимание. Дело в том, что балтийское значение слова *marės* (лит. *mārės*, прус. *mary*) более древнее, нежели современное значение славянского слова *mor'e*. Древнейшим значением данного слова в указанных индоевропейских языках было 'стоячая вода, болото'. Буга полагал, что предки славян, балтийцев и германцев этим

словом обозначали обширные заболоченные пространства Припятской низменности. Следы этого значения сохранились в языках, в том числе, и славянских. Исаченко справедливо недавно писал, что слово *mor'e* возникло в праславянском языке до знакомства славян с открытым морем („Езиковедски изследвания...“, 314).

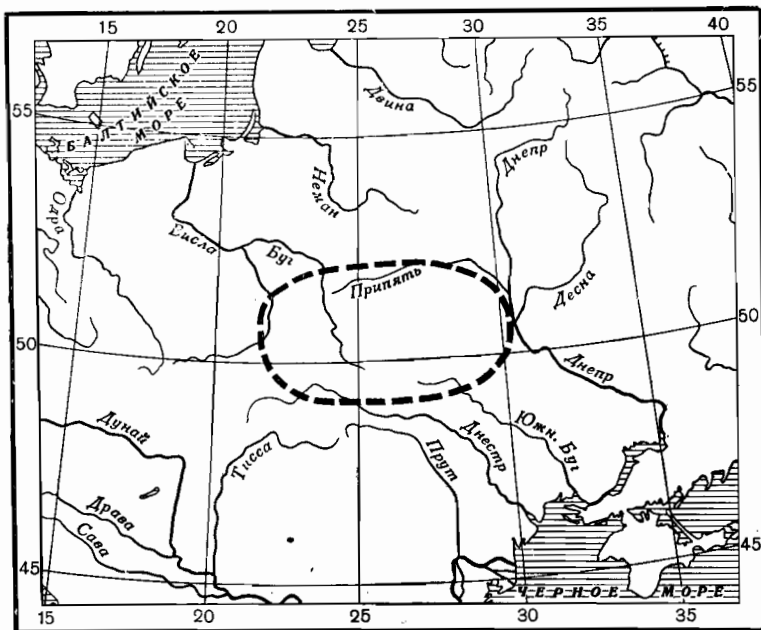
Следует, однако, сказать, что не все польские ученые считают территорию Польши наиболее древней славянской территорией. Розвадовский передвигал ее далеко на восток. Резко полемично недавно выступил против принятого в польской исторической науке тезиса Мошинский, который считает древнейшей славянской территорией только Поднепровье. С этим нельзя согласиться. Так далеко на восток передвигать всю праславянскую территорию невозможно. Все данные археологической науки, известное нам распределение на соседних территориях иных этнических групп — все это говорит о том, что западной границей праславянского языка в IV—III вв. до н. э. было среднее течение реки Вислы (до устья Западного Буга). К западу от Вислы в это время находилась территория венетского языка. Висла в течение многих веков была устойчивой границей праславянского и венетского языков.

Также не может быть сомнений в том, что правобережье среднего Днепра в последние века дохристианской эры было заселено племенами, говорившими на праславянском языке. На востоке граница праславянского языка шла по среднему течению Днепра (от устья Припяти до Сулы). Бассейны Тетерева, Ирпеня (так называемое Киевское Полесье) должны быть включены в древнейшую территорию праславянского языка.

Итак, территорию праславянского языка к IV—III вв. до н. э. можно представить следующим образом (см. карту № 3).

Наиболее убедительно данная территория устанавливается методом исключения. Мы не знаем иных этнических групп, которые с полной уверенностью можно было бы поселить здесь. Балтийские племена жили к северу от Припяти. Венеты обитали к западу от данной территории. Никогда не жили на этой территории кельты, фракийцы и иранцы — юго-западные, южные и юго-восточные соседи славян, не было на этой территории в I тысячелетии до н. э. и финнов.

Против нашего предположения в какой-то степени может свидетельствовать лишь топонимический материал, которому в решении праславянской проблемы решающую роль отводил Розвадовский. На основании всестороннего и углубленного лингвистического анализа названий водных бассейнов и рек Восточной Европы он пришел к заключению, что наиболее древнюю славянскую территорию следует искать к востоку от верхнего течения Днепра до Десны. По гипотезе Розвадовского, междуречье Днепра и Десны нужно считать древнейшей славянской территорией. Действительно, процент славянских названий рек на указанной территории высок. Это нужно признать, несмотря на то, что

Карта 3. Основная территория праславянского языка к III в. до н. э.

многие этимологии Розвадовского являются ошибочными. Однако данный топонимический материал не может играть определяющей роли в решении всей проблемы. Как показано современной археологической наукой, территория между верховьями Днепра и Десны до появления здесь славян была свободной. Неславянского населения здесь не было. Именно поэтому заселение данной территории шло легко и быстро. Всем небольшим речкам и водоемам пришедшее славянское население давало свои славянские наименования. Именно эти наименования сохранились до наших дней. На территории к югу от Припяти и к западу от среднего Днепра много неславянской топонимии. Объясняется это тем, что пришедшие сюда предки славян застали здесь более древнее население, которое было ими ассимилировано. Именно от более древнего населения и сохранилась неславянская топонимия на этой территории. На территории Советского Союза имеются области очень поздней русской колонизации с богатой славянской топонимией.

На указанной нами древнейшей территории славяне жили в течение весьма длительного времени. Именно здесь они стали заниматься земледелием, познакомились с гончарным кругом, железом. Важную роль в их жизни играли охота и рыболовство. Всестороннюю характеристику жизни и быта древних славян можно найти в известной книге Нидерле „Славянские древности“.

Местное славянское население общалось с соседями, с неславянскими племенами. Наиболее тесными и постоянными связи были с

северными соседями — балтийскими племенами. Следует думать, что некоторая часть славян в той или иной степени была знакома отдельными балтийскими диалектами (прежде всего диалектами пруссов и ятвягов). Имела место и взаимная ассимиляция части населения. Быт, производство, общественная организация славян и балтов были очень близки друг другу.

Несмотря на сравнительно большую территорию праславянского языка, в этот период существенных диалектных различий внутри языка не было. Во всяком случае о диалектных различиях мы ничего не знаем. А ведь в этот период в системе праславянского языка произошли многие важные изменения. Все это может свидетельствовать о тесных взаимосвязях славянского населения от Вислы до Днестра. Этому способствовало обилие удобных водных путей на всей территории и ее равнинный характер. С горным ландшафтом славяне познакомились позже.

§ 12. Древнейшие праславянские диалекты. На рубеже IV—III вв. до н. э. на территории Восточной и Средней Европы происходили глубокие этногенетические процессы, которые за сравнительно короткий срок существенно преобразовали этническую карту данного района. Происходит резкая смена археологических культур. В районе Вислы—Одера лужицкая культура сменяется пшеворской, которая существенно отличается от лужицкой культуры. Имеются, однако, и общие элементы (например, обряд трупосожжения).

Венетские племена, которые были носителями лужицкой культуры, занимали между XII—IV вв. до н. э. огромную территорию к западу от Вислы. Они заселяли все пространство между Вислой и Одером, южное побережье Балтийского моря. Западная граница венетов доходила до верхнего течения Эльбы. На юге венеты соприкасались с племенами кельтскими и илирийскими.

Благодаря многочисленным раскопкам в настоящее время хорошо известна материальная культура венетов. Они знали земледелие и скотоводство, кузнечное дело, гончарное производство. Лужицкая культура в различных районах представляет некоторые варианты. В IV—III вв. до н. э. наступает быстрый упадок лужицкой культуры, а затем она исчезает.

В последние десятилетия выдвигалось много гипотез о принадлежности различных археологических культур славянам. Однако почти все эти гипотезы опирались на очень шаткие основания: данная культура обнаружена на той территории, где славяне известны со времени древнейших исторических свидетельств. Так, многие археологи упорно в течение длительного времени пытались доказать, что носители трипольской культуры, распространенной в III—II тысячелетиях до н. э. на огромной территории Правобережной Украины и восточной Румынии, были славяне. В настоящее время защитников этого взгляда уже нет.